

</head>
В. ВИДЖАНИ

мечт@

РИПОЛ
КЛАССИК
Москва, 2014

ГЛАВА 22

«Я начинала писать тебе сотни раз...»

«Я начинала писать тебе сотни раз и сотни раз сжигала это письмо в своей памяти... Я писала его на салфетках в маленькой кофейне на Таганке. Промокшая до нитки, я сидела за узким столиком у окна и пережидала дождь. Кофе несли долго, слишком долго. И тогда рука сама потянулась к салфетке. Я расправила четыре ее сгиба, достала карандаш и начала писать... О чем?.. О том, что скучаю и не хватает твоей уверенности и оптимизма, что вокруг слишком много примитивной жестокости и пафоса, чужих людей, тишины и осени... А потом я забыла там зонт... И опять промокла...»

Я чертила это письмо соломинкой на песке дивного пляжа в Монте. Не помню, как я попала туда, — кажется, в Париже стояла жуткая жара, и я решила махнуть в Монте-Карло. Бывать во Франции по двадцать раз в году, практически жить там и не увидеть Лазурный Берег — странно, не правда ли? Я бесцельно бродила по мощеным карамельным улочкам. А потом лежала на теплых камнях и слушала море. В конце концов я опоздала на поезд. А ночью опять пошел дождь...

Мечт@

Я писала это письмо на древних стенах замка Луары. Гид рассказывала о королевской охоте и странных забавах маленьких инфант, а кто-то возражал ей на плохом французском. Они спорили, доводя друг друга до иступления, слушая каждый себя... Это было невыносимо, и я убежала.... Мне не было никакого дела до чужой истории. Нужно было всего лишь убить время... нет, сократить — между мной и тобой. Я даже сделала татушку на бедре. Она начинается первыми словами этого неотправленного письма: «*My dear Andrew*», — ты ведь помнишь, мне всегда нравился кельтский орнамент, хотя говорят, что готика теперь устарела. Художник-китаец конечно же сделал ошибку в твоём имени... Пришлось колоть заново. Я сердилась, страдая от запахов и брезгливости...

Я писала тебе из уютной студии знаменитого на всю Москву Саши К. Меня постоянно отвлекали капризные модели, и я жутко раздражалась. Мы закончили съёмку для большого глянца, и какой-то человек, прилизанный и гладкий, долго расшаркивался, восхищаясь результатом. Он пригласил нас на вечеринку... и весь вечер крутился возле. Смешные грустные люди. Я ещё долго видела на городских баннерах свою работу. Она напоминали мне о тебе...

Я царапала это письмо на мерзлом оконном стекле, провожая абсолютно чужого человека, с которым провела уйму времени... Зачем он был в моей жизни?..

Я писала это письмо в зале ожидания, улетая за несколько тысяч километров от себя и своих болезненных метаний. Наш рейс задержали, и я зашла в крошечный ирландский бар. В качестве комплимента принесли латте — твой любимый, со взбитой молочной пенкой, — и я попросила ещё один. Это был полуденный ланч на двоих. Казалось, ты сидишь напротив, усталый и счастливый. Представляю, как нелепо мы выглядели со стороны... За соседним столиком курил мужчина, строгий и подтянутый. Он тихо говорил

«Я начинала писать тебе сотни раз...»

по телефону, недовольно морщась, словно слышал в ответ совсем не то, чего ждал. На секунду мы пересеклись взглядами... Это мог быть ты...

А вчера я испугалась, что растеряю слова, которые должна сказать тебе при встрече. Мне нужно было их где-то записать... Я ехала в метро и вдруг... вспомнила, что у меня в сумке, на самом дне, лежат несколько тетрадных листов. Мне срочно понадобилось заполнить их словами, которые мы не сказали друг другу. Вернее, не сказала я... Мне нечем было записать, поэтому пришлось выйти на остановку раньше и купить шариковую ручку. Поблизости не было ни одного местечка, где можно было бы присесть. Я нашла крошечное обшарпанное кафе и, пристроившись за свободным столиком, начала писать. Я очень торопилась, поэтому писала быстро, сбиваясь на рифму и забывая про нее. Мне, конечно, не хватило бумаги... Самые главные слова пришлось дописывать на коленках. Да-да, я писала от колен к бедрам, бессовестно задирая юбку. Я писала, что у нас похолодало теперь и постоянно льют дожди, но не те, что ты любишь, а колючие и долгие, проникающие сквозь самую непромокаемую одежду. И еще у меня появилось свободное время, которое я ненавижу, потому что его нужно чем-то заполнять. Раньше оно было наполнено тобой, а сейчас, когда тебя нет, оно живет своей жизнью, и я наблюдаю за ним со стороны. Мне не нравится подглядывать... Я придумала себе оправдание: людям нужно иногда разлучаться, чтобы иметь возможность тосковать, ждать и радоваться возвращению. Последнее письмо я рисовала сиреневым мелком на весеннем асфальте, но так и не успела отправить, потому что снова пошел дождь...»

Ⓐ

— Ева, ну как, ты согласна? — Авдей помолчал и, видимо обидевшись, решил еще раз атаковать меня. — Я понял, что зря сотрясаю воздух! Ты, как всегда, не в себе!

Мечт@

Обратись к врачу! — Он набирал обороты, нисколько не ограничивая себя в обвинениях. — Я работаю на тебя как вол! Приношу заказы. Я устал! И никакой благодарности, Дарецкая! Тридцать процентов с продаж — это же курам на смех! Ты слышишь меня? Ева-а-а-а-а! — взывала трубка.

Он настаивал немедленно пересмотреть условия нашего соглашения, приводя скучные и весьма неубедительные доводы в пользу изменения причитающейся ему комиссии за последние проданные работы.

— Да, — ответила я невпопад.

— Что — да?

— Делай как знаешь, мне все равно.

Вечно стонущий Авдей выглядел жалко, и я, наверное, тоже — делала вид, что внимательно слушаю, поддакивая и кивая. Лицемерка, готовая на любые условия, лишь бы он не мешал думать о тебе...

@

Услышав сигнал эсэмэски, я поставила алмазовский монолог на громкую связь и открыла сообщение. Ты?! «Прилетаю в среду в 17:20, транзитом». Далее следовал номер рейса... До твоего появления оставалось три дня. За это время нужно успеть распланировать время между аэропортами — много это или мало? Мгновение или целая жизнь?

Я примчалась в аэропорт за два часа до твоего прилета, а могла бы и раньше, но меня остановили в районе Ленинского, кажется, за превышение скорости. Чудаковатый полицейский с потухшей трубкой во рту требовал права и еще какие-то документы. Я никак не могла объяснить, что встречаю тебя и нет мне никакого дела до каких-то там бумаг. В конце концов он отпустил меня.

Четыре чашки кофе, плитка шоколада и шаги — триста восемьдесят четыре от белой мраморной стены до окна,

«Я начинала писать тебе сотни раз...»

заклученного в никель. Одинаковые объявления о потерянном багаже, посадке и взлете. Никто не объявляет о потерянном времени. Сколько мы его потеряли и сколько потеряем еще? Не хочу больше ничего терять. Наконец твой рейс совершает посадку — осталось тридцать минут до нашей встречи. Киоски, газеты — и ни в одной из них ни слова о любви. Почему люди перестали писать о любви, снимать фильмы о любви, кричать на каждом углу о любви, почему забыли о самом бескорыстном даре, который получают при рождении? Ах да... я знаю, уверена — мне скажут, что любовь — это сложно и слишком интимно... Они не правы. Любовь — это много больше. Состояние, рождающее цепь поступков, которые порой определяют дальнейшую судьбу, слишком большая ценность, чтобы вот так просто забыть о ней.

Первые пассажиры. Чужие эмоции и ты... независимый, светлый, с едва заметной улыбкой на губах.

Белый зал мгновенно превратился в чистый лист бумаги, и я тут же разрисовала его красками. Смотри! Это зонтики, а под ними дождь, а вот важно гуляющие рыбы в шляпках с нелепыми розочками, вместо тростей у них удочки... а тут... тут, в центре, моя дорогая Ведьма. По правую руку, чуть в стороне, сопровождающая ее рать — на лиловых штандартах трепещут львы и грифоны, а слева — свора диких котов... Стоит только протянуть руку, и время замедлит свой ход.

Шаг к тебе. Прикосновение. Скользящие губы от виска к щеке. Нескончаемый холл и лифт, ползущий вниз. Но ты рядом, и это главное. И жизнь интересна тем, что в ней сны могут стать явью.

— Поведешь машину? — Я опускаю глаза.

— Так и будешь от меня бегать?

Ты обнимаешь меня. Проклятые слезные железы, переполненные влагой. Сейчас эта влага прольется ливнем, а после станет совсем неловко, и я не буду знать, куда себя деть. Сдерживаюсь, как могу, но ничего не получаю.

Мечт@

ется... Ни-че-го... Твои руки гладят мои волосы. Нет, нам не остановиться.

Шепчу:

— Прости, я в легком затмении... Садись за руль.

— Я так и понял, — улыбаешься ты, — будешь моим штурманом. Только не молчи... Рассказывай!

Говорить совсем не хочется. И не то чтобы не о чем — иногда молчать рядом больше всяких слов.

Ты ведешь уверенно, лавируя в длинном потоке, и каждая минута колотится в висках, убивая время, которого становится все меньше. Мы болтаем о пустяках, задаем ненужные вопросы. Ты обнимаешь меня одной рукой и притягиваешь к себе:

— На самом деле соскучился... — Смотришь ласково и восторженно, так может смотреть только влюбленный мужчина, боясь нарушить хрупкое, только что родившееся счастье.

Выползаем на кольцо, и на нас тут же обрушивается ливень. Я наконец перестаю чувствовать ход минутной стрелки. Мы целуемся как умалишенные, жадно и горячо, нагоняя потерянное, замирая и продолжая вновь.

Мы скользим в московских сумерках, сердце к сердцу, на одном дыхании, — это могла быть сумасшедшая реальность или надоевший до чертиков вирт, полный воздуха, который играет с нами, закручивая в свои замысловатые спирали...

И еще, я теперь твердо знаю, если я часть твоей судьбы, ты обязательно вернешься.